

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 46

1981



Михаил ДУДИН

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

С Е Й З Е Р Н О !

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 46

Михаил ДУДИН

СЕИ ЗЕРНО!

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Михаил ДУДИН

Михаил Александрович Дудин родился 20 ноября 1916 года в деревне Клевнево Ивановской области в семье крестьянина.

С 1939 по 1945 год служил в действующей армии, работал во фронтовых газетах. Участник обороны полуострова Ханко.

Как поэт сформировался на фронте. Первая книга стихов «Ливень» была издана в 1940 году, за ней последовали сборники: «Фляга» (1943), «Военная Нева» (1943), «Дорога гвардии», «Костер на перекрестке» (1944).

После войны изданы многие сборники стихов и поэм, а также книги прозы: «Время», «Татарник», «Где наша не пропадала», «Клубок», «Полюс», «Дерево для аиста», «Поле притяжения» и другие.

Член КПСС с 1951 года. В 1976 году за большой вклад в отечественную литературу удостоен звания Героя Социалистического Труда. Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР имени М. Горького.

СЕИ ЗЕРНО!

Ты на Земле рожден. Заветом
Далеких предков суждено
Тебе всегда зимой и летом
Душою слышать: сей зерно!

Ты на Земле рожден. Не тем ли
Твой долг определен давно:
Хранить ее леса и земли,
Моря и реки. Сей зерно!

Что из того, что мир расколот
Тоскою распрей! Все равно
Пройдут война, чума и голод,
Любовь и песня. Сей зерно!

Пусть будет сердце в миг единый
Последней страстью сожжено,
И ты уйдешь зерном в глубины
Земной утробы,— сей зерно!

Земля — твоя! Она качала
Твоей судьбы веретено.
И нет конца и нет начала
У вечной Песни. Сей зерно!

1967

СИНИЙ СВЕТ

Все, что прошло, и все, что станется,
О чем я плакал и молчал,
Нежнее с каждым годом тянется
Туда, к началу всех начал.

Там детство с лампой керосиновой,
Там вместо дома моего
И всей деревни кол осиновый
Торчит — и больше ничего.

Там за церковною оградой
(Ограды нет, и церкви нет),
Под коромыслом зимней радуги
Мой синий, синий, синий свет.

Цвет глаз моих идет от матери.
Лишь только голову закинь,
И хлынет синь по белой скатерти
Снегов, сольется с синью синь.

Я не без роду, не без племени,
Причастный к горести земной.
За мной два океана времени
И три погибели за мной.

За мной войны дорога дальняя,
Тоска и песня, пот и кровь.
И в наваждении случайная
Скорей печаль, а не любовь.

И не от случая до случая,
А каждый день сто тысяч раз
Надежда, радуга и мучая,
Мне светит синью синих глаз.

И льется, льется чудо синее
Через сугробы гор и лет.
Душа и песня в синем инее,
Над белым светом — синий свет.

1968

СТАРЫЙ ЖУРАВЛЬ

*Во время перелета ласточки
отдыхают на спинах журавлей.*

Кто я? Старый журавль. Отстаю постепенно от стаи.
Вон на север весенний все дальше уходит косяк.
Там по мягким болотам линяют снегов горностаи

И холстины тумана на голых деревьях висят.
Там гнездо моей жизни, извечная родина родин,
Заливные луга и леса в предрабасветном дыму.
Там высокие звезды, как гроздья созревших смородин.
Мне, наверно, туда не добраться теперь одному.
Кто ты? Легкая ласточка, сбитая ночью с дороги.
Острым крыльям твоим встречный ветер осилить невмочь.
Равнодушные звезды далеки и чужды тревоги,
Шторм под нами гремит, и кипит океанская ночь.
Хлещут волны внизу и соленой кидаются пылью.
Будь спасеньем моим, прижимайся плотнее к плечу.
Пусть доверье твое к моему прикоснется усилию:
Я спасу тебя, слышишь, и сам до гнезда долечу.

1968

ПРИЗНАНИЕ

А. Межирову

Бомбы землю кромсали и рвали.
Свежей кровью краснела вода.
В одиночном окопе за рвами
Не до нежности было тогда.

Убежденной душой святотатца,
Очумев от обид и потерь,
Я стеснялся в любви объясняться.
Объясняться мне поздно теперь.

Не считай, что я ради забавы,
От твоих настроений далек,
Обхожу придорожные травы
И не рву на меже василек.

Просто я не могу по-иному
Жить заботами этого дня.
Нестерпимая жалость к живому
Все сильнее заполняет меня.

1968

* * *

Во сне с ума сошел ребенок.
Что он во сне увидеть мог?

Вставало утро из потемок,
Кошмары спрятав под замок.
И день двадцатого столетья
Щеколдой щелкнул в проходной.
День волшебства,
Великолепия,
Безумья день очередной.
Его наклейки и настойки,
Его нейлон,
Его металл
И скрип зубов с больничной койки
Мне душу с телом измотал.
Что он несет?
Чем мысль накормит?
Куда наметит поворот?
Какие в души пустит корни?
Какие корни подорвет?
Я знаю рост его ступеней.
Я с днем идущим заодно.
Моих бессонниц страшный гений,
Кошмарней ваших сновидений,
Мне веру высветил давно.
И мой во сне локатор тонок.
Предположенья сбились с ног.

...Во сне с ума сошел ребенок.
А я спасти его не мог?!

1968

* * *

Душа моя, а все ли ты свершила?
Что из того, что не сбылась мечта,—
Из грязи прорастает красота,
Без пропасти немыслима вершина.

Пока жива — надеждою лучись
В отчаянном дыму столпотворенья,
Сама в себе не презирай терпенья,
А у терпенья мудрости учись.

1969

ТВОЕЙ СВОБОДЫ ВЫСТРАДАННЫЙ ПУТЬ

Стихи, стихи, бойцы моей души.
Моя победа и моя отрава.
Забвенья и сомненья камыши...
И под обстрелом стонет переправа.

Что ждет тебя на дальнем берегу —
Неведомо перегорелым нервам.
Сквозь тину и болотную кугу
Какое слово выберется первым?

Но ты жива, поэзия, жива!
Как тот приказ в фельдъегерском конверте,
Всегда твои нуждаются слова
Не в чем-нибудь, а в подтверждение смертью

Ты весь огонь берешь себе на грудь,
И, свет зари перемежая тенью,
Твоей Свободы выстраданный путь
Проходит через гибель к воскресенью.

1969

* * *

Вчера ломал деревья ураган,
И, словно танки, громыхали тучи,
И озеро бежало к берегам
И расшибалось о седые кручи.

Сегодня — неземная благодать:
Прозрачно небо, неподвижны воды.
И как-то непривычно наблюдать
Блаженное спокойствие природы.

Земля, как истина, обнажена,
И верится наперекор обману:
Великое рождает тишина,
Пришедшая на смену урагану.

1970

* * *

Тыходишь в жизнь, как в двери мастерской
В твоём распоряжении отныне
Прекрасный мир прекрасного, людской
Трагедией построенный в пустыне.

И на тебе горит его тавро
Ответственности действия и слова.
В нём многое из нового старо,
А старое значительно и ново.

В нём близкое безмерно далеко
И самое законное подсудно.
В нём ниспровергнуть вечное легко
И продолжать обыденное трудно.

Входи в него хозяином смелей,
Он ждёт тебя и требует ответа.
Согрей его трагедией своей,
Прибавь ему ещё любви и света.

1971

* * *

Я синей песней изойду
На том далеком перекрестке,
Где ночь затеплила звезду
На подрастающей березке.

Где родниковая вода
Бежит сквозь заросль бересклета,
Где прошлогодняя беда
Забыта в нынешнее лето.

Где запоздалый василек,
Достойный брат небесной сини,
Цветет, как радость, как намек
О покорении пустыни.

О жизнь! Твой голос не умолк!
Он стар, как мир, и молод внове,
Как откровение и долг,
В самом биенье юной крови.

И все живущее родней.
И прошлое с грядущим схоже.
А радость? Чем она трудней,
Тем превосходней и дороже.

1971

**ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВИЧА
ТВАРДОВСКОГО**

Он был на первом рубеже
Той полковой разведки боем,
Где нет возможности уже
Для отступления героям.

Поэзия особняком
Его прозрением дарила.
Его свободным языком
Стихия Жизни говорила.

Сочувствием обременен
И в песне верный своеволью,
Он сердцем принял боль времен
И сделал собственною болью.

Пусть память, словно сон, во сне
Хранит для чести и укора
Всю глубину в голубизне
Его младенческого взора.

1971

НАД КНИГОЙ НЕКРАСОВА

Я знал, как в поле сталь гудела,
Как стыла красная трава,
И в дали дальние глядела
Россия, женщина, вдова.

И до меня из дали дальней
Летел по выжженным полям
Кабацкой песни стон скандальный
С кандалным звоном пополам.

И над провалами былого,
Вселяя в душу благодать,
Меня некрасовское слово
На ноги ставило опять.

И в дни лихие, в дни благие,
В родной и чуждой стороне
России очи голубые
Всегда в глаза глядели мне.

За все платил я полной мерой,
Своей судьбой держал ответ
И проникался древней верой
В ее судьбу, в ее рассвет.

В простор ее равнины ровной,
Где пыль победы улеглась,
Где стала в самом деле кровной
Родной земли и песни связь.

1971

ИЗ ОКНА ОСЕНЬЮ

Проходят тучи над жнивьем,
И солнце смотрит стыло.
И все, что любим, чем живем,
О чем мечтаем, — было.

Потом поземка закружит,
Расстелет снег повсюду,
А нам минуты не прожить
Без вечной веры — в *буду*.

1972

ТИХО

М. М. Пришвину

Ночной грозы уgomонился гром.
Перед рассветом эхо отзвучало.
И тишина торжественна кругом,
Как изначальной музыки начало.

Сосновый лес как золотой оргáн,
Пронизанный легчайшим свежим светом.
От мокрого брусничника туман
Уходит в небо, не касаясь веток.

Как мир хорош! И как я счастлив сам!
В умытом мире тайное не тайно.
Не вечность ли сейчас по волосам
Меня рукой погладила случайно?

И вновь душа, сомнений лишена,
Покоя набирается без спешки.
...И каплю обронила тишина
В фаянсовое блюдце сыроежки.

1972

МОИ ПЕГАС

В заросшем окопе сухая хвоя,
Осока пробилась сквозь гравий.
Стояли мы насмерть за други своя
На этой ночной переправе.

Огонь ликовал и ворочался гром,
И смертная стыла остуда.

Пегас мой, Пегас с перебитым крылом
Наш путь начинался отсюда.

Разбитой рокадой, болотной тропой
Сквозь ночь и рассвет синеватый.
И то, что мы живы сегодня с тобой,—
Мы в этом едва ль виноваты.

Развеяна ветром сухая хвоя.
Окоп не видать из-за пыли.
Стояли мы насмерть за други своя.
Себя отстоять позабыли.

Рубцы на душе и на теле горят
От памяти и от почета,
И, что там сегодня о нас говорят,
Не наша с тобою забота.

Что было, то было — я благодарю
Всей жизнью до смертного часа.
И рушится время. И рвутся в зарю
Горящие крылья Пегаса.

1972

* * *

Всегда у жизни на пиру
Ищи родства, а не различья.
Весною в утреннем бору
Прекрасна песенка синичья.

Прекрасны сосны в полный рост,
Отрада для души и взора,
И шелест падающих звезд
В лесные полные озера.

Прекрасен мудрый путь зерна,
И солнца вечный свет прекрасен,
Прекрасна песня, что верна
Труду, который не напрасен.

Прекрасны чистый купол дня,
Земля полдневная и воды,

Где все и всё — твоя родня,
Твоя ответственность свободы.

Прекрасен майский соловей,
Прекрасна тень его ракиты —
Весь мир, который ждет твоей
От самого тебя защиты!

1973

ПИСЬМО КАЙСЫНУ

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли.
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.

Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.

И во главу угла стиха
По мановенью ока
Поставим посох пастуха,
Как инструмент пророка.

Стадам овец нужна трава
И в полдень тень чинары.
А нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.

Потом сгонять от ледников
В долины гурт овечий —
На перекресток всех веков
И всех противоречий.

Чтобы над пропастью пустынь
Одна спаяла фраза
России трепетную синь
И седину Кавказа.

Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,

Как сыновья одной земли,
Одной земной печали.

Чтоб наше слово мир, как цель,
Держало на примете,
Чтобы играло, как форель,
В Жилге при лунном свете.

1973

ПИСЬМО В МИХАЙЛОВСКОЕ

С. С. Гейченко

Мела зима, и лето пело,
Пестрела жизни кутерьма.
Наверное, влюбленность в дело
И есть поэзия сама.

И подвиг жизни ежечасный
Поверх насмешек и зевот
Вдруг в некий миг вершиной ясной
Встает из будничных забот.

Перемешав событий числа
В один-единственный успех,
Судьба, исполненная смысла,
Преображается для всех.

И в одинаковость пейзажа
Привносит личный колорит.
И даже времени поклажа
Надоедать не норовит.

И снег зимы и песня лета
Переосмыслены в тиши,
На них оставлена примета
Твоей возвышенной души.

И превращается соседство
В родство с поэзией родной,
Где в самом деле цель и средство
Есть суть гармонии одной.

Где удивительное — рядом,
Для всех открыто и равно,
Где мир, твоим обласкан взглядом,
В мои глаза глядит давно.

Где мы с тобой застынем снова
В лугах, молчание храня,
Услышав пушкинское слово
Под синим колоколом дня.

1973

* * *

Под корень скошена отава.
Другой не вырастет травы.
Осенняя, седая слава
Коснулась тихо головы.

Зазимок первый щеки колет,
Былинка стынет на меже.
И чисто, как в пустынном поле,
В освободившейся душе.

Но как ушедшему в подарок
В том еще замкнутом кругу
Куст красных роз, нелеп и ярк,
Кричит о гибели в снегу.

1975

* * *

Как бы разбросанный потопом,
Мир непонятный, но живой
Я увидел под микроскопом
В разрезе капли дождевой.

Там двигались нагие нити,
Качался водорослей лес.
И тонкий профиль Нефертити
Скользил по эллипсу небес.

Там изворачивались трубы,
И между труб дрожал овал.
И шар, вытягивая губы,
В затылок грушу целовал.

Там тихо радуга качала
Три ослепительных кольца,
И жизни не было начала,
И смерти не было конца.

Текла подобьем киноленты
Судеб бездумная река,
И погибали континенты,
И в бездны рушились века.

1975

* * *

Владимиру Жукову

Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы.
И мне снятся всю ночь на снегу снегири,
В белом инее красные птицы.

Белый полдень стоит над Вороньей горой,
Где оглохла зима от обстрела,
Где на рваную землю, на снег голубой,
Снегириная стая слетела.

От переднего края раскаты гремят.
Похоронки доходят до тыла.
Под Вороньей горою погибших солдат
Снегириная стая накрыла.

Мне все снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета.

1975

* * *

Не знаю что — судьба или подкова
Хранит меня в плену земных забот?
И в смертный час я не умру, а снова
Вернусь обратно в сорок первый год.

Вернусь обратно в пекло канонады,
В соединенье братства на крови,
К отмеченным отсутствием награды —
Однополчанам жизни и любви.

К тем, первым павшим в ночь под воскресенье
Под натиском кинжального огня.
Они, как о победе донесенья,
Возможно, ждут меня.

1975

С ВЕТРОМ В ЛИЦО

Малинником диким зарос откос
Над поворотом реки.
Сладчайший запах твоих волос
Коснулся моей щеки.

Мир, который нас окружал,
Малиной спелой пропах.
Губ твоих малиновый жар
Растаял в моих губах.

И через души прошли века,
А может быть, только миг.
Потом в океан унесла река
Твой просветленный лик.

Неведомо мне, на какой волне
Время оборвалось,
Но все еще снится моей седине
Ветер твоих волос.

1975

ВЯЗОВСКОЕ

Порой тоска житейской прозы
Нас держит крепче якорей.
...Грустит сирень. Пасутся козы
Над прахом матери моей.

Могила стоптана. Ограда
Растащена по кирпичу.
Что мне на этом месте надо?
Чего ищу? Чего хочу?

Я здесь! Но я уже нездешний.
Здесь все забыло про меня,
Пока я шел сквозь ад крошечный
Двух войн, блокады и огня,

Пока среди сестер и братьев
В кровавом месиве дорог
Я душу матери растратил
И эту память не сберег.

Я выйду в рожь. В родное поле.
В седое, как мои виски.
И, рухнув, заплачу на воле
Всю горечь страха и тоски.

И, может быть, из сердца прянут
Слова, как птицы из силка,
И мне в глаза мои заглянут
Два материнских василька.

1976

* * *

Прошедших лет смыкается кольцо.
На перекрестке запекает вьюга.
Но светит мне одно твое лицо
Там, в середине жизненного круга.

Так за Полярным кругом иногда
На горизонте ветреном и рваном
Горит одна Полярная звезда
Над мертвым Ледовитым океаном.

1976

Б. Б. ПИОТРОВСКОМУ

Янтарная осень играет палитрой Галенца.
В кольцо замыкается гор голубой караван.
Высокое небо беспечней улыбки младенца.
Дорога, как вечность, ползет из Гарни в Ереван.

Здесь в желтый песок перемолоты времени кости.
Здесь кровь каменела. Ложилась межа на межу.
Здесь варвары шли. Проходили столетья и гости.
И я по костям перетертых столетий хожу.

Иду, спотыкаясь о выступы крика и боли
Заросших развалин времен неотступной грозы.
Иду, удивляясь дороге познания и воли,
Бессмертию песни, упорству зерна и лозы.

Здесь память земли, от людского страдания немея,
Мне память мою откровеньем веков бережит.
А небо прозрачно, и солнце времен Птолемея
На душу мою из грядущего века глядит.

1976

* * *

Н. С. Тихонову

Я, сегодня подвластный раздумий тревожному мигу,
Отложил от себя отрешенной премудрости хлеб,
И открыл осторожно прощанья последнюю книгу,
Беспощадную книгу уже отгоревших судеб.

И остался один. Неотъемлемой тихою тенью
За плечами печаль опустила седые крыла.
А крутая вершина, сияя, звала к восхождению.
Что там, вольная воля иль черная пропасть была?

Я не знал и не знаю. Но нет мне обратно возврата.
И прощания книга ложится в фундамент времен.
Из осколков и щебня Победа, легка и крылата,
Возрождается снова — и к звездам полет устремлен.

1976

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЛУКОНИНА

Прощайте! Уходим с порога,
Над старой судьбой не вольны.
Кончается наша дорога —
Дорога пришедших с войны.

Прощайте! Со временем вместе
Накатом последней волны
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны.

Уходим... Над хлебом насущным —
Великой Победы венец.
Идем, салютуя живущим
Разрывами наших сердец.

1976

* * *

Пред тем как уподобиться струне,
Поэзия под струями косыми
В осенний день ходила по стерне
Людского счастья ножками босыми.

И вот, у жизни откупая роль,
Своей судьбы растратчица скупая
Заводит речь, на собственную боль
Стопою окровавленной ступая.

1977

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Умирает озеро лесное,
Зарастая камышом и тиной.
С каждым годом все темней и уже
Смерти обреченное пространство
Аспидной бездонности воды.

Озеро уходит в глубину,
Закрываясь, словно глаз. И тайна
Времени уходит вместе с ним
В темные ночные переходы,
В кладовые памяти земной.

Что же ты увидела, Земля,
Если закрываешь Око Жизни,
Отвращая взор своей души
От вселенной и от глаз моих,
Вопрошающих твои глубины?

Ты молчишь? А может быть, об этом
Мне расскажет птичка камышовка,
Что свила свое гнездо бесстрашно
На твоей ресничке камышинке
Над бездонной аспидной водой?

Может быть, она поет об этом
Голосом, как паутинка, тонким
Песенку?.. Но я не понимаю
Языка ее души?.. А жаль!

1977

РЫЖИЙ КОНЬ НА СКОШЕННОМ ЛУГУ

Не приказа ради, не в услугу,
А своею волей, как хотел,
Рыжий конь по скошенному лугу
Без узды и всадника летел.

Влажный глаз его блестел, как слива,
Как труба, переливался хвост,
И струилась, завиваясь, грива
С бесшабашным ветром вперехлест.

И душа коня была открыта,
И закат был розов, как ранет,
И стучали легкие копыта
Деревянным стуком кастаньет.

День иль жизнь готовились к уходу,
У седого времени в долгу, —
Рыжий конь скакал себе в угоду
На зеленом скошенном лугу.

1977

ЛИСТЬЯМ ВДОГОНКУ

Ты уходишь. Ну что ж! До свиданья. Спешу.
Торопись понемногу.
А стихи — облетевшие листья души —
По дороге. В дорогу

За тобою! За песней сомнений твоих.
До предела дороги.
Безысходностью горечи счастья двоих
Пересудам под ноги.

По колючей стерне, и по голым кустам,
По суглинку — вдогонку!
Из-под ног пешеходов — к пустым небесам!
Преисподней в воронку!

Ты уходишь. Ну что ж! До свиданья. Прости!
Не пеняя на случай,
Соберись и себя от себя отпусти
И тревогой не мучай.

Это лето нас вместе сводило с ума
Медуницей и мятой.
Только ты никогда пред собою сама
Не была виноватой.

Ты уходишь. И мир неуютен и гол,
Без огня и ночлега.
Но ликует души обнаженный глагол
В ожидании снега.

1977

КОСТЕР В СНЕГУ

Н. Б.

Костер в снегу, как снег, такой же белый.
Снег и костер. Горит костер в снегу.
И набегают отсвет оробелый
На белый снег. И я на свет бегу.

Костер в снегу. И молодость и вьюга.
Глаза и звезды. Бегство без погонь.
Раскованность с оглядкой испуга.
И вьюгой раздуваемый огонь.

Снег как постель. И свет костра — посредник
На поединке мига и времен,
Где приговор о гибели последним
Помилованьем страсти заменен.

1977

МАТЕРИНСКИЙ КРЕСТ

Ушел я из родительского дома
Мальчишкою одиннадцати лет.
Осенний дождь, как серая солома,
Прошел за мной и смысл горячий след.

Затушеввал за рощею окольной
Тоску и горе изначальных мест:
Ворон над вязовсковской колокольней
И над могилой материнский крест.

На берегу судьбы людского моря
Я своего не строил шалаша,
А радости преодоления горя
Училась в море грешная душа.

Когда ж кончались воля и терпенье
И гибель караулила окрест,
Передо мною, как благословенье,
Вставал над бездной материнский крест.

1977

* * *

Ты плачешь, молча мир кляня
За пошлый гнет житейской прозы.
И где-то в горле у меня
Горчат сочувственные слезы.

От глаз моих недалеке,
В конце невысказанной фразы,
Блестят, стекая по щеке,
Обиды круглые алмазы.

И в этой трудной тишине
Мне видится или сдается,
Как, отраженный в глубине
Твоей слезы, весь мир смеется.

1980

* * *

Июль. Исходят липы цветом.
У лета дел неупределенный поворот.
С утра, разбуженный рассветом,
Пчелиный трудится народ.

Спешит. И в том его заслуга,
Судьбы великая страда.
И медом пахнет вся округа,
Деревья, воздух и вода,

Земли и неба мир раздольный,
Его насущные дела...
А липы, словно колокольни,
Гудят во все колокола.

1980

* * *

*Я знаю все, но только не себя.
Франсуа Вийон.*

В мельканье жизни разной
В столице и в глуши,
Стихи есть дело праздной,
Отторженной души.

В попытке бесполезной
Желания суметь
Возвыситься над бездной
Классических сует.

Чем превосходней строфы,
Тем яростней навет,
Тем большей катастрофы
Достоин сам поэт.

Но он с петлей на вые
Пройдет наверняка
Событья роковые,
Пустыни и века.

А золотой чеканки
Шекспировский сонет
Есть способ из-за рамки
Глядеть на белый свет.

1980

* * *

Ты бежишь за вчерашним днем,
А его уже больше нет.
Он сгорел голубым огнем,
И от дыма растаял след.

Обаянье вчерашних рук
Не согрело усталых плеч.
Белый снег на зеленый луг,
Как забвение, должен лечь.

Легким выдохом растопи
На стекле ледяной обман.
Не твои ли следы в степи
Замечает седой буран.

Ах, как сладко тает в груди,
Затухая, последний зной
Над сверкающей впереди
Беспощадною белизной.

1980

* * *

Мы все зависим друг от друга
На этом жизненном кругу.
Что ты не сможешь, — я смогу,
И в этом общая заслуга.

И ты придешь, когда мне туго,
И не позволишь гнуть в дугу.
Мы — две травинки на лугу.
Но нет без нас единства луга.

Живет победой и бедою
Зеленый луг и Млечный Путь.
Не делима бороздою

Между травинкой и звездой
Одной-единой жизни суть.
Мы были. Есть. И будем.
Будь!

1980

ОДА СВЕЧЕ

В. Н. Орлову

Рассвет его величество
Пока еще в пути.
Погасло электричество —
Давай, свеча, свети!

Ночь. Ни звезды, ни месяца.
Ни вспышки, ни луча.
Но светит, светит, светится
Старинная свеча.

Ползет тревога ложная —
Смети ее, смети!
Гори, моя надежная,
Не потухай, свети!

Гори всю ночь, неяркая
Дневного солнца дочь.
Пусть ночь, как ворон каркая,
Летит от окон прочь.

Гори на подоконнице
До утренней зари.
Свети моей бессоннице,
С моей душой гори.

1980

* * *

Стояла сушь. Хлеба от жажды
Сгорали в поле. Старый лес
Сухой листвой и корнем каждым
Ждал чуда — дождика с небес.

Но из-за лысого кургана
Пришел не дождь, а ураган,
И авангарды урагана
Сквозь пыль метнулись, как таран.

И, как драконы из поверья,
Взлетели вихри на дыбы.
Пригнулись хвойные деревья,
И тяжело ахнули дубы.

И мрак возник, и в этом мраке
Сверкнули молнии с небес.
В последней огненной атаке
Остолбенел и рухнул лес.

Потом повеяло покоем.
Исчезли молнии в дыму.
И хлынул дождь над мертвым полем,
Уже не нужный никому.

1980

КАИН

Не знаю, как через лавину
Времен, предательств и разлук
Первоначальную дубину
Отнять у Каина из рук.

Туда — покуда нет возврата.
Есть только путь один — вперед.
Там — брат лишает жизни брата.
Здесь — на народ идет народ.

Вот подготовлена атака.
Навстречу встали две стены
И ждут сигналов. Но, однако,
Сам Каин бьет из-за спины.

В глазах его сверкает золото,
И пахнет смертной тоской.
И он сейчас сметет не брата,
А целиком весь род людской.

И всё. Ни дьявола, ни бога,
Ни оправдания, ни вины.
И до созвездья Козерога —
Пустыня красной тишины.

1980

* * *

Не спеши улетать из души моей, красное лето,
Колокольчиком синим под облаком белым звеня.
Это псковские льны зацвели, и сегодня с рассвета
Голубеет земля в голубом обрамлении дня.

Этот пух одуванчиков, правда, похож на снежинки,
Конокрадом татарник в седом затаился овсе.
Пусть еще постоят прошлогодних раздумий дожинки,
Дожидаясь серпа на посеянной мной полосе.

Отцветет медуница, и птицы натешатся вволю,
Перед тем как отправиться в самый далекий полет.
И прекрасная женщина тихо по тихому полю
В августовской печали на мой перекресток придет.

Я увижу ее на пороге последней разлуки,
Загляну в ее очи и что-то скажу невпопад.
И звезда, словно яблоко, скатится женщине в руки,
И цыганскою ночью загонит коня конокрад.

1980

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Когда тебе невыносимо тяжело,
Попробуй сделать хорошо тому,
Кого гнетет беда твоей сильнее,—
И сразу полегчает на душе
Сначала у тебя, потом у человека,
Которому ты сделал хорошо.
А дальше все пойдет своим порядком:
На две улыбки посветлеет сумрак,
На два шага приблизится рассвет,
И две звезды над хмурым океаном
Появятся, и мореход упрямый
На этот раз от гибели уйдет.

1980

ЗАКЛИНАНИЕ С ПОЛЮСА

Берегите Землю!
Берегите
Жаворонка в голубом зените,
Бабочку на стебле повилики,
На тропинке солнечных блики,
На камнях играющего краба,

Над пустыней тень от баобаба,
Ястреба, парящего над полем,
Ясный месяц над речным покоем,
Ласточку, мелькающую в жите.
Берегите Землю!

Берегите
Чудо песен
Городов и весей,
Мрак глубин и волю поднебесий,
Старости последнюю отраду —
Женщину, бегущую к детсаду,
Нежности беспомощное пенье
И любви железное терпенье.
Берегите молодые всходы
На зеленом празднике природы,
Небо в звездах, океан и сушу
И в бессмертье верящую душу, —
Всех судеб связующие нити.
Берегите Землю!

Берегите
Времени крутые повороты,
Радость вдохновенья и работы,
Древнего родства живые свойства,
Дерево надежд и беспокойства,
Откровение земли и неба,
Сладость жизни, молока и хлеба.
Берегите доброту и жалость,
Чтоб она за слабого сражалась.
Берегите будущего ради
Это слово из моей тетради.

Все дарю!
И все от вас приемлю!
Только
Берегите
Эту
Землю!

1978

СОДЕРЖАНИЕ

Сей зерно!	3
Синий свет	3
Старый журавль	4
Признание	5
«Во сне с ума сошел ребенок»	6
«Душа моя, а все ли ты свершила?»	6
Твоей свободы выстраданный путь	7
«Вчера ломал деревья ураган...»	7
«Тыходишь в жизнь, как в двери мастерской...»	8
«Я синей песней изойду...»	8
Памяти Александра Трифоновича Твардовского	9
Над книгой Некрасова	10
Из окна осенью	10
Тихо	11
Мой Пегас	11
«Всегда у жизни на пиру...»	12
Письмо Кайсыну	13
Письмо в Михайловское	14
«Под корень скошена отава...»	15
«Как бы разбросанный потопом...»	15
«Это память опять от зари до зари...»	16
«Не знаю что — судьба или подкова...»	17
С ветром в лицо	17
Вязовское	18
«Прошедших лет смыкается кольцо...»	18
Б. Б. Пиотровскому	19
«Я, сегодня подвластный раздумий тревожному мигу...»	19

Памяти Михаила Луконина	20
«Пред тем как уподобиться струне...»	20
На берегу озера	21
Рыжий конь на скошенном лугу	21
Листьям вдогонку	22
Костер в снегу	23
Материнский крест	23
«Ты плачешь, молча мир кляня...»	24
«Июль. Исходят липы цветом»	24
«В мельканье жизни разной...»	25
«Ты бежишь за вчерашним днем...»	25
«Мы все зависим друг от друга...»	26
Ода свече	26
«Стояла сушь. Хлеба от жажды...»	27
Каин	28
«Не спеши улетать из души моей, красное лето...»	28
Цепная реакция	29
Заклинание с полюса	29

Михаил Александрович Дудин

СЕЙ ЗЕРНО!

Редактор **Е. А. Антошкин.**

Технический редактор **Е. Н. Щукина.**

Сдано в набор 09.10.81. Подписано к печати 14.12.81. А 00478.
 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
 печать. Усл. печ. л. 1,4. Учетно-изд. л. 1,31. Тираж 100 000 экз.
 Изд. № 2620. Зак. № 1397. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
 «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. ГСП, Москва. А-137, ул. «Правды», 24

СТРАХОВАНИЕ К БРАКОСОЧЕТАНИЮ

- Свадебное страхование должно заинтересовать многих людей, заботящихся о будущем своих детей, внуков и племянников.
- Родители, бабушки и дедушки, тети и дяди, заключив договор страхования, получают возможность сделать соответствующие накопления к такому важному и торжественному событию в жизни юноши и девушки, как вступление в брак. Возраст ребенка на день заключения договора не должен превышать 15 лет.
- Предусмотренная договором страховая сумма выплачивается юноше или девушке по истечении срока страхования, но не ранее того дня, когда будет зарегистрирован брак.

Уважаемые товарищи!

- Для заключения договора обращайтесь, пожалуйста, к страховому агенту, который обслуживает вас по месту вашей работы или жительства.

ГОССТРАХ РСФСР